

ДУША КАВКАЗА

ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВЕННИКА

ХОТЯ Я СУДЬБОЙ НА ЗАРЕ МОИХ ДНЕЙ,
О ЮЖНЫЕ ГОРЫ, ОТТОРГНУТ ОТ ВАС,
ЧТОБ ВЕЧНО ИХ ПОМНИТЬ, ТАМ НАДО БЫТЬ РАЗ:
КАК СЛАДКУЮ ПЕСНЮ ОТЧИЗНЫ МОЕЙ,
ЛЮБЛЮ Я КАВКАЗ.
М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

12+

С. ГЛОВИ

София Глови

Дневник путешественника, или Душа Кавказа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67964600

SelfPub; 2022

Аннотация

Что может дать обыкновенному человеку дневник вдохновленного путешественника? Поведать захватывающую историю, рассказать об интересных деталях, описать увиденное своими словами. "Душа Кавказа" – сложенное по крупицам произведение странствующего по России художника. На страницах одного из дневников, найденных любопытным читателем, вырисовывается история путешествия – по маленькой, но не по значению южной границе Российской Империи (РФ): горным равнинам Кавказа, родине крепких духом людей, исторической сокровищнице русских народов, колыбели талантливого человека своего времени – М.Ю. Лермонтова, известного поэта, художника и писателя; а следовательно, и по разуму, и душе человеческой, наполненной тайнами, загадками, умом и созиданием...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	8
Вновь приезжий	8
Глава третья	13
Герой своего времени	13
Глава четвертая	20
Герои Пятигорска	20
Глава пятая	25
Город, в котором невольно заканчиваются все романы	25
Глава шестая	32
Смена погоды	32
Глава седьмая	38
Литературная карта России	38

София Глови

Дневник путешественника, или Душа Кавказа

Глава первая

В путь, к заволоченной облаками цели

3 сентября 2019

*Путешествия лишают тебя дара речи,
а потом превращают в лучшего рассказчика...*

Ибн Баттута

Шумел поезд. За окном воздух был пронизан сыростью и туманом, который сгущаясь, скрывал за белой пеленой виды гор. В заволоченном облаками небе отражались осколки деревьев и глыб скал. Изредка из под оконной рамы поезда было видно обрывистые склоны возвышенностей. Дорога поспешно вела меня к городу, в котором когда-то и началась история, заманившая многих странствующих людей на Кавказ – в место, где сливается небо с землей. На этой границе небес вырисовываются строки М.Ю.Лермонтова:

*Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ. В младенческих летах я мать потерял.
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ. Я счастлив был с вами, ущелия гор,
Пять лет пронеслось: всё тоскую по вас.
Там видел я пару божественных глаз;
И сердце лепечет, вспомя тот взор:
Люблю я Кавказ!..
(Кавказ, 1830)*

И сразу становится понятно: действительно, великий поэт имел право писать такие чувственные строки. Ведь для него Кавказ всегда был особенным местом: колыбелью безмятежного детства, пристанищем во время бед, сердцем творческой и поэтической жизни. Природа Кавказа способствовала развитию в Лермонтове любви к природе и созиданию – она воздействовала на него с самого раннего детства, когда мальчик только – только начинал познавать мир.

История поэта на Кавказе началась задолго до его первых ссылок и волнений русского света – в далеком детстве, в 1820

и 1825 годах. Бабушка Лермонтова, Елизавета Алексеевна Арсеньева, не раз возила любимого внука лечить на горячие воды, ведь М.Ю.Лермонтов не отличался сильным здоровьем. Воодушевленный первыми поездками из семейного поместья Тарханы, маленький мальчик с восторгом воспринимал окружающий его мир. Впервые увидев заснеженные вершины гор, он поначалу принял их за облака, все ждал, когда же они изменят свою форму. А они не меняли.

Окруженный огромной, сооруженной его бабушкой свитой дядек и нянечек, юный поэт любовался горячими ключами, которые били прямо из под земли...они растекались по склонам, оставляя после себя на бурых камнях белые и красные дорожки. Тогда дом, в котором остановилась бабушка Лермонтова, был расположен на самой окраине Пятигорска, на границе с диким ущельем. Напротив, на скале располагался казачий пост. Подобное место не могло не остаться в памяти М.Ю.Лермонтова: писатель наверняка помнил, как ночью протяжно перекликались часовые. И совсем как эти ночные стражи, во время грозы перекликалось эхо в скалах и прибрежных пещерах. Эти пещеры казались мальчику такими загадочными и таинственными...

Тем временем, уже и путь мой начал подниматься в гору, и с высоты стал прекрасно виден Пятигорск. Окруженный пятиглавой горой Бештау, он произвел на меня невероятное впечатление. Я сразу вспомнила описание из романа "Герой

нашего времени":

Славное место эта долина! Со всех сторон горы неприступные, красноватые скалы, обвешанные зеленым плющом и увенчанные купами чинар, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а там высоко-высоко золотая бахрома снегов, а внизу Арагва, обнявшись с другой безымянной речкой, шумно вырывающейся из черного, полного мглою ущелья, тянется серебряной нитью и сверкает, как змея своею чешуей...

Вот, становятся все больше и больше видны позолоченные крыши горной столицы. Колеса поезда начинают потихоньку замедляться, и становится очевидно, мир, наполненный М.Ю.Лермонтовым, с нетерпением ждет меня – а я жду его, искренне желая понять Кавказ так, как его сумел понять великий поэт.

Глава вторая

Вновь приезжий

3 сентября 2019

В вокзальной толпе чувствуешь себя вновь приезжим – как когда-то чувствовал себя и М.Ю.Лермонтов возвращаясь во время первой ссылки в 1837 году в колыбель собственных мечтаний.

Как же молодой поэт оказался вновь приезжим на Кавказ? Лермонтов приехал в Пятигорск "весь в ревматизмах", как сам вспоминал потом. Его вынесли из повозки на руках, и он был вынужден первое время провести в госпитале. Болезнь – война, дала ему досуг, необходимый для раздумий. Что это были за дни! Тянулись медленно, будто каждый с год... Он вспоминал, что было с ним за его короткую, такую неудачную, несколько раз ломавшуюся жизнь. Это и Москва, с своими студенческими годами – поначалу счастливыми, таинственными и воздушными, а потом мрачными и пустыми. Он вспоминал тогда неясные мечты о каком-то великом подвиге. Мечты о славе на поприще литературном. Сколько стихов, поэм, трагедий было написано тогда! Он помнил как из рук в руки они, юные студенты, передавали друг другу запрещенные цензурой журналы и стихи... Сколь-

ко в этом было таинственного, необыкновенного, мальчишеского. Но вдруг перед его взором вся эта наполненная мечтаниями жизнь оказалась позади. Все пошло прахом – Московский университет пришлось оставить, расстаться с друзьями. Ему было посоветовано "уйти" – как и многим другим, замеченным в вольнодумстве. И незаметно начался Петербург с казармами и бойней; вместо заносчивых стихов, волнующего шепота о запретном, чтения потаенной литературы пошли шагистика и муштра в военной школе. Вместо студенческой вольницы – чинное, бесцветное светское общество. И самое главное – никакой справедливости и литературы! Он буквально чувствовал, как приходил домой пустой и разбитый, в душе было холодно и ветрено – ведь занимался не тем, чем хотел на самом деле. Но вот, двух страшных лет как не бывало; школа окончилась, и он снова оказался на перепутье. Но драгоценная, неожиданно вернувшаяся муза решила все за него: яркое воспоминание – смерть А.С.Пушкина породила в свободолюбивой душе гневные, обличительные стихи, и совсем равнодушные:

*Погиб поэт! – невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..
(Смерть поэта)*

Так, настал день, которого желал юный поэт всю свою жизнь: М.Ю.Лермонтов наконец стал знаменитым, и в то же время сторающим от стыда и унижения. За непокорные, обвиняющие общество стихи поэта вскоре сослали на Кавказ.

Таким образом, оказавшись здесь, в Пятигорске, не по своей воле – болезнь во время поездки на фронт настигла его случайно, – поэт вероятно чувствовал себя невероятно растерянным. Невозможно себе представить какой ураган эмоций чувствовал человек, переживший смерть А.С.Пушкина, написавший обличительные стихи власти, и ими же посланный на Кавказ, умирать под пулями горцев. Таков, представал перед неподвзятым взором молодой солдат, прибывший в Пятигорск для лечения подхваченных на пути к фронту болезней. Одинокий и нелюдимый.

Я вдыхаю чистый воздух, и всецело чувствую его прохладу. Над Пятигорском все еще поразительно видно утренние звезды. Между старинными зданиями в пару этажей хорошо видно заснеженные у самых верхушек горы – справа двуглавый Эльбрус, слева гора Столовая и золотой Курган. Цепь замыкает Казбек. Часы на колокольне показывают пять, сторож скоро отбивает семь ударов, и в городе начинает потихоньку течь жизнь. Вот, люди открывают окна, высовываются из маленьких квартирок и радостно улыбаются небу. Интересная параллель – наверное, когда-то и одинокий поэт также гулял по этим улочкам; писал, глядя на небо; и выгля-

дывал из окна съемной квартиры.

Изящно стучит чье-то открытое настежь окно. Я продвигаюсь все дальше, вглубь города, почти доходя до бывших окраин – где когда-то на окружной улочке, жил и управлялся от болезни великий поэт. Вдруг вижу надпись на небрежно сколоченных досках: "ДОМЪ, В КОТОРОМ ЖИЛ ПОЭТЪ М.Ю.ЛЕРМОНТОВЪ". Не могу наглядеться на маленький, даже неприметный на первый взгляд домик, с тростниковой крышей. С трудом вериться, что здесь когда-то мог жить такой большой поэт. Но я уверенно вступаю на порог дома-музея. Тотчас понимаю – приметность и значительность здания в другом: в собрании документов, живописных полотнах, предметах интерьера, одежды и мебели – которые и сейчас отражают эстетику лермонтовской эпохи. Однажды Лермонтов написал своему московскому другу М.А.Лопухиной: "...у меня очень славная квартира... сразу приглянулась мне, только переступил через порог. Даже простой деревянный стол казалось улыбнулся мне, а стоявший рядом колченогий стул пригласил сесть. По всей комнате были развешаны до боли знакомые лубочные картинки... и только из зеркала пахнуло какой-то безобразиной..." Что ж, сквозь мутное стекло до сих пор видно вещи, напоминающие случайному прохожему о том, что здесь жил поэт-изгнанник, вынужденный странствовать. Вот, и кресло-качалка у окна в кабинете-спальне, на которой наверняка сидел уставший писатель... Покидая музей, я думала о том, как важно приоб-

щаться к подобным местам – с особой творческой энергетикой, которая сумела оставить неизгладимый след в искусстве – не только слова, но и живописи..

Глава третья

Герой своего времени

4 сентября 2019

В сентябрьский полдень в Пятигорске невыносимо сильны лучи солнца. Теплый воздух, отскакивая от мостовых плит площадей и от ржавых потемневших крыш, уноситься высоко в небо – он прячется даже в тених парков, рядом с водопадами и у краев гор. Так, ходить здесь становится невыносимо – из-за этого, мне, также как и в свое время М.Ю.Лермонтову приходится укрываться некоторое время в гроте. В оплетенном лианами и дикими цветами пространстве каменных плит свежо и очень легко думается. Вполне можно вообразить себе как здесь в темноте грота Дианы – одного из самых прекрасных гротов Пятигорска, когда-то восседал М.Ю.Лермонтов и нескончаемо думал о новом романе, которому только только дал название – "Герой нашего времени".

Но вот, мои мысли прерывает отчетливый стук, который ударяясь о каменные плиты грота, усиливается его полукруглыми стенами. Я выглядываю на улицу: небо, пару минут назад безмятежно голубое, теперь представало передо мною

серой глыбой. Погода испортилась, стала хуже петербургского сентября. Уже начался дождь и несильный ветер. Над городом и горным парком раскинулась пелена тумана, словно серый шатер из пыли и газа. Горизонт замкнулся. Из грота стало совсем не видно гор. Направившись обратно в глубь пещеры, укрывающей меня от дождя, я невольно подумала о том, что М.Ю.Лермонтов наверняка бывал в гроте Дианы в такие грозы: когда воздух становится мокрым и тяжелым, когда улицы шумного городка опустевают, и ты непроизвольно остаешься наедине с собой.

В одиночестве М.Ю.Лермонтов подводил итоги уходящих пятигорских лет. Вероятно, он продолжал задумывать роман о своем современнике. Писатель неторопливо листал журнал "Современника", и попадавшиеся ему тут и там статьи, картины и иллюстрации наталкивали на мысли об наступившей эпохе. Вот, попались строки В.Ф.Одоевского, двоюродного брата известного декабриста, из анонимной повести: "В старинной деревенской почерневшей библиотеке, подле полузамерзшего окна, в огромных креслах сидел, или лучше сказать, лежал молодой человек, измученный страстями. Он держал в руке книгу, но зимние сумерки давно уже не позволяли ему читать, и яркая северная заря все ниже и ниже спускалась на обнаженные деревья, бросая свой пурпурный оттенок на снег, покрывающий кровли окружающих строений. В темной синеве неба горела уже первая звезда. Это был та-

инственный час, в котором все как бы невольно располагало к мечтанию; но молодой человек давно уже отвык мечтать; он рано пережил поэтическую половину своей жизни и вступал теперь в тот тусклый однообразный каждодневный мир, в котором кружатся люди, переставшие любить и надеяться. Ни торжественная тишина природы... ни своенравный узор мороза на стеклах – ничто не возбуждало в нем тихих художнических дум поэта! Он беспечно дремал перед обедом в своих креслах, спокойно ожидая свечей". Художественные детали этого героя и мысль, мгновенно заворужили М.Ю.Лермонтова – он наконец понял, что нашел, то, что искал: "Вот он, герой века! Один из тех молодых стариков, которых ничто не интересует..."

Тем временем, осколок неба, виденный мною из темноты грота, стремительно посветлел. Шум капел затих и мое заточение в гроте Дианы завершилось. Я осторожно выглянула из-за каменных плит: вершина Машука была окутана облаками, а лесные склоны тонули в дождевом тумане. Где-то вдалеке заиграла шарманка, все время повторяя один и тот же мотив. Прекрасный после осеннего, все еще теплого кавказского дождя, Пятигорск представал передо мною – из самых близких ко мне домиков уже выбегала наружу горская молодежь. Я видела их счастливые, свободные лица; свежий воздух вероятно благоприятно воздействовал на них; из темных, огромных глаз так и сочились энергия и же-

вание жить. Вспоминаю, как писал о горцах М.Ю.Лермонтов в своих многочисленных, посвященных кавказскому народу стихотворениях:

*"Я видел вас: холмы и нивы,
Разнообразных гор кусты,
Природы дикой красоты,
Степей глухих народ счастливый
И нравы тихой простоты!"*

Традиционно кавказцев описывали как эпитетом "дикий", но великий поэт и здесь сумел отличиться – он видел их счастливыми и обладающими спокойными, тихими нравами.

В последний раз оглянувшись на своды грота Дианы, я наконец решила, куда направлюсь сегодня. Не пройти по следам лермонтовских героев и его более поздних стихотворений – почти преступление, для находящегося в Пятигорске.

Об этом месте пишет Печорин в своем дневнике: "поднявшись по ступенькам, я оказался на большой площадке с видом города, открывающимся моему взору..." Легкая беседка – Эолова арфа, о которой писал герой настоящего времени действительно возвышается над городом. Я могу предположить, и Лермонтов и Печорин когда то восхищались тем видом, который открылся и мне. Они также чувствовали дуновение ветра, слышали мелодичные звуки внутри беседки и

находили здесь успокоение своей истерзанной душе. Только сейчас, внутри Эоловой арфы установлен специальный инструмент, струны которого, издают музыку от колебаний ветра. Конечно, она звучит довольно современно... Но на площадке около беседки много людей, которые, как и во времена М.Ю.Лермонтова рассматривали в телескоп Пятигорск, и тянущуюся вдаль цепь Кавказских гор: "На крутой скале, где построен павильон, называемый Эоловой арфой, торчали любители видов и наводили телескоп на Эльбрус".

Что они могли видеть и чувствовать? Об этом прекрасно написал М.Ю.Лермонтов, в "Герое нашего времени":

"...кровь поминутно прилиwała в голову, но совсем тем какое-то обратное чувство распространилось во всем моим жилам, и мне было как-то весело, что я так высоко парю над миром: чувство детское, не спорю, но отдаляясь от условий общества и приближаясь к природе, мы невольно становимся детьми; все приобретенное отпадает от души, и она вновь делается такую, какой была некогда и, верно, будет когда-нибудь опять. Тот кому случилось, как мне бродить по горам пустынным долго-долго всматриваться в их причудливые образы, и жадно глотать животворящий воздух, разлитой в их ущельях, тот, конечно, поймет мое желание передать, рассказать, нарисовать эти волшебные картины..." Таким образом, в сознании автора детская чистота противопоставляется условиям общества. И действительно, известный медици-

не эффект прилива сил и радости, возникающий высоко в горах, наполняет меня, и я так же, как М.Ю.Лермонтов чувствую очищение глубин души. Не с проста автор использует безличные конструкции (кому случилось бродить...всматриваться...глотать...) в составе местоименно-соотносительного предложения с повторяющимся указательным местоимением тот – он создает эффект обобщенности, того, что такого рода ощущения испытывает каждый, кто поднимается в горы Кавказа.

Облокотившись на мраморные перила, отгораживающие местных от горного обрыва, я наблюдаю укромно укрытую листвой надпись "Провал". Ноги несут меня к знакомым по роману буквам: "вечером многочисленное общество отправилось пешком к провалу. По мнению здешних ученых, этот провал, ничто иное, как угасший кратер, он находится на отлогости Машука, в версте от города. К нему ведет узкая тропинка, между кустарников и скал." Это действительно так – я наблюдаю как тонкая тропа, почти незаметная с высоты ведет меня к знакомым колоннам-львам: они величественно встречают "водяное общество", как бы говоря, о силе и могуществе природы Кавказа.

Неровные кирпичи, выложенные здесь Бог знает сколько лет назад, ведут мой взор дальше – в темноту прохода. Я смело шагаю и начинаю чувствовать запах давно не проветриваемого помещения. Тьма постепенно рассеивается, обретая

очертания глубокого коридора, ведущего в самый центр кратера. За обломками камней я уже вижу волны озера – вода в нем невероятно чистая, кристально-бирюзовая, зовущая в глубину. Хочется купаться. Посреди светящихся камней на моих устах остается звоном только одно чувство – восхищение преклонное, величавое, гордое.

Глава четвертая

Герои Пятигорска

5 сентября 2019

Вечер 4 сентября выдался особенно одухотворенным: в открытое окно моего номера стремительно залетали голоса все набегающей на вечернее представление в Ресторации толпы. Смеялись дети, спешащие полакомиться сахарной ватой; шумели подростки, один громче другого; и даже взрослые, заряженные этой кавказской атмосферой вечернего Пятигорска спешили к колоннам. Ведь Ресторация Пятигорска является не просто первой казенной каменной постройкой в городе, но и особенным местом, в котором сумели побывать многие известные люди: А.С.Пушкин, Белинский, Л.Н.Толстой, император Николай 1 и М.Ю.Лермонтов.

После окончательного выздоровления, М.Ю.Лермонтов решил переехать в самый центр курорта – в нескольких шагах от пятигорской ресторации. В ресторации, и по сей день были сосредоточены многие развлечения – от балов, до собраний местной знати. Здание прекрасной архитектуры, с колоннадой, возвышалось на холме при входе в парк. По вечерам оно было освещено изнутри многочисленными свеча-

ми, снаружи – площадками. Яркий свет огней кое-где сквозил через густую листву темного парка. Но главная аллея, куда вела широкая лестница, тонула во мраке. Сюда выходили отдохнуть от шума и толкотни, освежиться после мазурки во времена великого поэта.

Часто воображая подобные представления, в этот вечер я специально не отходила от окна – из которого прекрасно было видно общий пейзаж города. Именно с этого расстояния были видны чудеса: чувствовалось незримое присутствие М.Ю.Лермонтова; вот, казалось бы, он шел вдоль горного ручья, начинающего свой путь от мраморных колонн. Из глубины аллеи к нему будто приближалась молодая дама. И вдруг на его лице вспархивало в высоту удивление, вперемешку с дежавю: он видел девушку из своей московской юности. И молодость словно расцветала в его душе. "Додо!" – чуть не воскликнул он от неожиданности. Но к сожалению, теперь это была не Додо Сушкова, девушка-поэтесса, а графиня Ростопчина. Уже несколько лет как Додо вышла замуж за сына бывшего московского генерал-губернатора богача Ростопчина. Это был примитивный, грубый человек.

Мгновенно вспомнилось ему, как танцевал он с Додо на детских вечерах, как посвящал ей стихи... Вспомнил и заветную тетрадь Додо. Тетрадь ходила по рукам среди передовой молодежи. Там было "Послание страдальцам" – сосланным декабристам. Пятнадцатилетняя поэтесса обращалась к

"изгнанникам", "заступникам свободы". Неожиданные воспоминания, нахлынувшие на Лермонтова, и на меня, в одно мгновение отступили. Мне пришла в голову новая мысль – скорее всего, именно эта встреча, которую я будто сама увидела в Ресторации, сильно повлияла на молодого поэта. Ведь не зря, эти воспоминания он потом перенесет на страницы своего недописанного романа "княгиня Лиговская", а затем и на страницы "Героя нашего времени". Так, незапланированная встреча с своей юностью задела за живое поэта, положила начало великому и прозаическому.

На следующий день, оправившись от пережитых вечером впечатлений, я решила направиться в место, в котором писатель, спустя долгие годы работы над романом, начал историю своего героя. Первым местом, чьим посетителем стал Печорин – оказывается Елизаветинский, или, как его тогда называли кислый серный источник. Именно в нем происходит завязка произведения: "...воздух свеж и чист, как поцелуй ребенка: солнце ярко, небо сине – чего бы, кажется, больше? – зачем тут страсти, желания, сожаления... Однако пора. Пойду к Елизаветинскому источнику: там, говорят, по утрам собирается все водяное общество..."

Побродив под полукруглыми арками Елизаветинской-Академической галереи, я с удовольствием вернулась в тень поросших рядом виноградников, и по маленькой тропке, пустилась дальше в свое литературное путешествие. Но-

ги привели меня к еще одному гроту, тесно связанному с поэтом и названному в его честь "гротом Лермонтова". Эта пещера, пахнувшая в меня свежестью и холодом, в отличие от грота Дианы имеет природное происхождение. Именно в этом гроте скрывались от любопытных глаз Печорин и Вера. "я углубился в виноградную аллею, ведущую в грот... подошел к самой пещере. Смотрю: в прохладной тени его свода, на каменной скамье сидит женщина... Я хотел было уже вернуться, когда она на меня взглянула. "Вера!", – воскликнул я невольно..."

Я выхожу из грота и устремляю взор вдаль, также, как когда-то устремлял его и Печорин на страницах романа разглядывая сверкающий Пятигорск. «Вчера я приехал в Пятигорск, нанял квартиру на краю города, на самом высоком месте, у подножья Машука: во время грозы облака будут опускаться до моей кровли... Уже сейчас, на западе от грота пятиглавый Бештау синее, как «последняя туча рассеянной бури»; на север поднимается Машук, как мохнатая персидская шапка, и закрывает всю эту часть небосклона; на восток смотреть веселее: внизу предо мною пестреет чистенький, новенький городок, шумят целебные ключи, шумит разноязычная толпа, – а там дальше, – амфитеатром громоздятся горы все синее и туманнее, а на краю горизонта тянется серебряная цепь снеговых вершин, начиная с Кавказа и оканчиваясь двуглавым Эльбрусом...». Именно такая картина предстала перед молодым офицером Григорием Алексан-

дровичем Печориным, в первые дни пребывания последнего на Кавказе. Таким же мы видим Пятигорск и сегодня в дружной компании лермонтовских полотен и героев.

Глава пятая

Город, в котором невольно заканчиваются все романы

За окном вновь спешат облака. Сегодня я наконец отправилась в город, который М.Ю.Лермонтов любил не меньше, чем Пятигорск. Так, в начале августа 1837 года Лермонтов переехал заканчивать курс лечения в Кисловодск. Листаю дневниковые записи поэта, и нахожу в них одну, посвященную солнечному городу: "воздух Кисловодска располагает к любви, ... здесь бывают развязки всех романов, которые когда-либо начинались у подошвы Машука. Здесь все дышит уединением, здесь все таинственно..." В этой я тотчас убеждаюсь, наблюдая за меняющимся пейзажем из окна машины. Вижу горы, покрытые щедрой зеленью, скалы с обрывами, ущелья, овраги... И теперь понимаю, почему так красочен и привлекателен лермонтовский пейзаж. Он не может не восхищать, ведь срисован поэтом с природы.

Тем временем, я внимательно разглядываю приближающуюся ко мне Кисловодскую крепость, которая является единственным военным укреплением, сохранившимся на

Кавказе в таком виде и объеме до наших дней. Есть еще кое-что, привлекающее мое внимание к ней – это упоминание защитных стен М.Ю.Лермонтовым в "Герое нашего времени": "...я ехал через слободку. Огни начинали угасать в окнах; часовые на валу крепости и казаки на окрестных пикетах протяжно перекликались..." В то время недалеко от крепости размещались пикеты, откуда казаки сигнализировали о приближении горцев. Сейчас же ее оборонительные ободки пусты; сразу видно, ими давно не пользовались.

Следуя маршруту, каким, если верить литературным и историческим источникам, когда-то по территории Кисловодска прогуливалось "водяное общество", я скоро выхожу к главной улице города – на ней и сейчас, кипит как житейская, так и туристическая жизнь. Раньше на этой территории располагался первый на Кавказских минеральных водах знаменитый курортный парк: а в двух шагах от него примостилась Нарзанная галерея. Я сворачиваю с главной дороги, на цветочные дорожки, которые испещряют пространство Кисловодского парка – они ведут меня напрямик к Лермонтовской набережной, усыпанной цветами. Аккуратные фонтанчики расцветают у меня на глазах, отпуская в чистый прозрачный воздух Кисловодска хрустальные струи и брызги. Из-за этого, в воздухе сильно чувствуется запах минеральных источников, вперемешку с ароматами цветов: яркими соцветиями они усыпают все пространство земли. Неболь-

шие бассейны заманивают взгляды своей прохладой – так и хочется окунуться в их дневной блеск! Наконец выхожу на Лермонтовскую площадку – вижу в стене каменный бюст М.Ю.Лермонтова. Легко читаются высеченные на специальной табличке строки о любви к Кавказу.

Прекрасно можно вообразить себе, как по этим дорожкам гулял М.Ю.Лермонтов, который после болезненного уединения, полной самоанализа жизни в Пятигорске наконец приехал заканчивать свое лечение на Минеральных водах – и он пустился в свет. Пережив тяжелое душевное потрясение, перестрадав, передумав, он теперь понемногу успокоился. Молодость брала свое! Шуткам и остротам не было конца. Вместе с своим другом доктором Майером рисовал карикатуры на "водопийцев". Принимал участие в прогулках и кавалькадах. Завел себе прекрасную верховую лошадь и гарцевал на ней не хуже черкеса. Он был теперь совершенно здоров, танцевал на балах и пользовался большим успехом у дам – которых, между прочим, несмотря на их вольную, дикую жизнь, считал полными изящества и грациозности.

По дороге обратно, в Пятигорск, в окрестностях Кисловодска я посещаю еще одно место, тесно связанное с "Героем нашего времени" – Лермонтовский водопад. Я представляю, как много лет назад, на сырых от капель водопада камнях, сидел М.Ю.Лермонтов – и любовался живописными струя-

ми воды, спускающимися откуда-то сверху из-под корней нависающих деревьев. Их ветки скрывали за собою виды гор, тропки односельчан и местами голубое небо. Густая листва спускаясь по краям водопада, исчезала где-то под камнями, на которых густой сетью цвели поздние кувшинки. Чистая вода с шумом скатывалась вниз, с бульканьем растворяясь в глинистой земле. Мне казалось, что я могла рассмотреть на глиняных подтеках следы лошадей, которых приводил сюда поить Печорин в главе "Княжна Мери": "у водопада я напоил коня, жадно вдохнул в себя раза два свежий воздух южной ночи и пустился в обратный путь. Я ехал через слободку..."

По тропке я поднимаюсь вдоль водопада, и наконец выхожу на обширную поверхность земли. Огромное плато встречает меня; вдали я вижу маленькие потертые крыши частных домов, каменистые дороги, обвивающие горные склоны. Густая трава, местами выжженная горным солнцем растет повсюду и лишь изредка сменяется полевыми цветами. Подойдя ближе к краю, я восторгом разглядываю примостившиеся тут и там горные склоны и возвышенности, которые склоняясь в молчаливом поклоне, приветствовали мой случайный взор. Издалека зеленые деревья, и тонкие струйки речонок, казались мне невероятно крохотными; а саму себя я ощущала великаном, крупным и сильным.

Тяжело представить, как среди такой величавой природы, могли происходить мелкие события – одно из них тот-

час приходит мне на ум. Это бесполезная дуэль Печорина и Грушницкого в романе "Герой нашего времени": "узкая тропинка вела между кустов на крутизну; обломки скал составляли шаткие ступени этой природной лестницы; цепляясь за кусты, мы стали карабкаться. Грушницкий шел впереди, за ним его секунданты, затем мы с доктором..." Наверное, не случайно М.Ю.Лермонтов провел дуэль своих героев здесь, среди величавых скал. Образ мелкой стычки на фоне грозной природы смотрится особенно комично и нелепо – этим противопоставлением, писатель еще сильнее показывает пороки и слабости своего героя, и целой царящей на дворе эпохи. Тем временем, я наблюдаю ту самую скалу, которую описывал М.Ю.Лермонтов – с плато она напоминает нос вывернувшийся из пучины вод подводной лодки. За участие в жизни поэта и его произведениях, в настоящее время скалу именуют Лермонтовской и считают памятником природы регионального значения.

Внимательно осмотрев окрестности Кисловодского водопада, я направляюсь обратно в машину: мой путь лежит к еще одному природному памятнику, посвященному М.Ю.Лермонтову и героям его произведений. Это гора "Кольцо", прозванная так за свою необычную форму. Печорин писал в дневнике: "в верстах трех от Кисловодска, в ущелье, где протекает Подкумок, есть скала, называемая Кольцом; это – ворота, образованные природой..." Найти ее не

составило труда – удивительное творение природы, восьми метров в диаметре, обласканное ветрами и дождями, находится в одной из песчаных скал, совсем недалеко от Лермонтовского водопада. Но вот подниматься в гору совсем не просто; то и дело приходится останавливаться, чтобы подышать свежим воздухом, и любоваться открывающимися видами – невероятно прекрасными. Но вот, уже виднеется загадочный земляной пролом – и я оказываюсь на самом верху площадки; эмоции переполняют меня.

Невольно оборачиваюсь назад, и смотрю вниз – за обрывами земли еле видно дорогу. Но зато хорошо проглядывают очертания величественных скал и ущелий. Именно этот пейзаж, скорее всего описывал Печорин в "Герое нашего времени": "...я подошел к краю площадки и посмотрел вниз, голова чуть чуть у меня закружилась..." Конечно, от переизбытка нахлынувших чувств от увиденного! Внимательно разглядывая провал в песочной горе, именуемый кольцом, я невольно думала о том, что именно здесь, недалеко от места дуэли Грушницкого с Печориным, – фактического окончания одной из ключевых глав "Героя нашего времени", заканчивается и мое путешествие по стопам М.Ю.Лермонтова – и начинается другое последнее приключение на Кавказе. Мне предстоит посетить место, священное для всякого русского человека – подножье горы Машук, где когда-то погиб от вражеской пули великий русский писатель, поэт и худож-

ник – М.Ю.Лермонтов.

Глава шестая

Смена погоды

7 сентября 2019

В мой последний день на Кавказе, мне несказанно повезло: вновь настало утро, уже когда-то встречавшее меня среди кавказских гор. Его описывал и М.Ю.Лермонтов в романе "Герой нашего времени":

"Я не помню утра более голубого и свежего! Солнце едва выказалось из-за зеленых вершин, и слияние первой теплоты в его луче с умирающей прохладой ночи наводило на все чувства какое-то сладкое томление; в ущелье еще не проникал радостный луч молодого дня; он золотил только верхи утесов, висящих с обеих сторон над нами; густолиственные кусты, растущие в их глубоких трещинах, при малейшем дыхании ветра осыпали нас серебристым дождем. Я помню – в этот раз, больше, чем когда-нибудь прежде, я любил природу..." Действительно: образ голубого неба над головою преследует читателя во всем творчестве великого поэта. М.Ю.Лермонтов не раз убеждал окружающих людей в священности, благодатности этого неба. Для автора нависающее дневное полотно похоже на рай, близкий, и в то же время недостижимый. Но к сожалению, прекрасно известно,

что несмотря на постоянную, по детски искреннюю голубизну неба, она в любой момент может отвернуться от тебя – стремительно заволочиться грозowymi тучами. Таковую резкую смену погоды, нередко нарекают безжалостной судьбой.

Так М.Ю.Лермонтов предчувствовал свою смерть. Часто во время второй, и последней в его жизни ссылки, он прогуливался по улицам, окружавшим Машук. Как когда-то с Майером, останавливался у дома Бестужева. Такой родственной, схожей с его, представлялась ему теперь судьба декабриста. Собственная гибель казалась близкой и неизбежной. Все равно, откуда она придет... Но придет. Мысли о смерти не покидали поэта. Он говорил о ней в Петербурге перед отъездом на Кавказ, ночью, бродя в тоске по бульвару в Пятигорске, встретив старого знакомого. Проводя вечер с пансионским товарищем, со слезами на глазах читал ему свои стихи:

*И скучно и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...*

А тем временем, против великого поэта, гениального мастера слова, начали плести интриги. В Петербурге мало кого устраивало поведение ссыльного поручика: прикидываясь больным, он продолжал писать, развлекаться, ходить на пикники, сочинять пасквильные стихи, в которых поносил "порядочных" людей. Своим ядовитым языком житья он про-

должал не давать аристократическому обществу. Были приняты меры: Искали подставное лицо, которое, не подозревая, явилось бы исполнителем задуманной интриги – хотели повторить несправедливую и ужасную судьбу А.С.Пушкина. И как известно уже сейчас, им это удалось...

Невнимательным взглядом рассматривая мелькающий за окном пейзаж, в это пятигорское утро все еще укрытый легкими порывами тумана и росы, я все быстрее и быстрее приближаюсь к подножью горы Машук – месту дорогому и священному для любого, кто хоть раз читал строки М.Ю.Лермонтова. Именно здесь, среди грубых скал, нашел свое окончательное осуществление план дворянского Петербурга.

Поиск подставного лица, способного убить великого поэта длился недолго – выбор пал на Мартынова. Это было воплощенное ничтожество. Товарищ Лермонтова по военной школе, он был хорошо знаком ему чуть ли не с детства. Красив, самовлюблен, он воображал себя поэтом. Соревнование посредственности с талантом всегда опасно: оно рождает чувство непреодолимой зависти, которая не останавливается ни перед чем. Здесь дело шло о гении... Мелкое тщеславие, неудачи по службе – все делало Мартынова особенно уязвимым. На струнах души такого человека было нетрудно играть. И как-то раз, привыкший чуть ли не с детства к колким шуткам М.Ю.Лермонтова, Мартынов вдруг обиделся – и вызвал поэта на дуэль. И вот уж стал известен срок и место

дуэли – за Машуком, у Перкальской скалы.

Я с трепетом разглядываю небольшую площадку, будто преклонившуюся перед этой самой горой – всем существом ощущаю, что здесь произошли страшные события. В этом месте перестало биться сердце русского поэта; наверное, и его литературный талант также вознесся в воздух, к небесам. Медленно поднимаюсь на пологий склон горы Машук – в его тени, укрытый зеленью леса предстает памятник – один побольше, другой поменьше. Несмотря на явные различия, оба памятника кажутся величественными, пропитанным печалью и слезами. Невольно погружаешься в раздумья: могло ли что-то предотвратить трагическую, и роковую для всей русской литературы дуэль? Ответ приходит сам собою – нет. Ведь еще перед дуэлью, М.Ю.Лермонтов говорил, что будет стрелять в воздух. И этот выстрел, возможно, все таки был сделан. Но следом, стрелял Мартынов – ранение, оказалось смертельным. Не могу поверить в то, что поэт умер через несколько минут, не приходя в сознание. Как жаль, что на месте дуэли, не оказалось не врача, не экипажа. Что это – случайность, или предусмотренное сложение обстоятельств? Или же смерть была predetermined свыше? Почему для одних, она стала событием невероятным...а для других, событием вовсе не печальным? Не укладывается в голове, что Николай 1, узнав о дуэли и гибели поэта, зло произнес: "Собаке, собачья смерть!"

Прекрасно можно вообразить себе – как в тот день, на кавказские горы надвигались тучи. Холод дождя проникал и в распахнутые настежь окна домика Лермонтова – была слышна глухая, взволнованная поступь Столыпина – друга и близкого родственника Лермонтова. А на столе, еле освещаемый светом огненной свечи, лежал листок с недописанным стихотворением поэта.

Думая об этом, неизбежно в голову приходит мысль – яркая, и болезненная, как свет в глубокой ночи. Грозный Кавказ-хранитель выносил на своих плечах гордого, любящего, и глубоко разочарованного миром человека, в глубине души скрывающего великий литературный талант. И здесь, на месте трагической дуэли, как бы грустно это не звучало, понимаешь – он же его и убил.

Таким образом, судьба провела великого поэта трудной, гористой дорогой, и поставила точку здесь, у подножья горы Машук...

...Дождь перестал.

А наутро толпа народа осаждает маленький домик. Тело засыпано цветами. Все цветы Пятигорска несут в дар Лермонтову. Царит скорбь и негодование, как в дни гибели Пушкина.

Возбужденная толпа стоит на улице, заполняет двор. Фигура жандарма не раз появляется на пороге. Жандарм пытается убедить теснящихся к дому взволнованных людей, что

убийства здесь не было, что был поединок...Как будто все затихает, успокаивается. Но шепот молвы продолжается. И чем больше растет слава великого поэта, тем больше растет гнев против его убийц.

А вокруг Перкальской скалы лесная тишина. Шелестят деревья – свидетели убийства. На скале растут большие яркие цветы. Но не прикасайтесь к ним: они обожгут вас. Это огненные цветы – ясенец, – в них кровь Лермонтова.

Глава седьмая

Литературная карта России

7 сентября 2019 —

*Только кончая задуманное сочинение,
мы уясняем себе, с чего нам следовало его начать.*

Блез Паскаль

Мое возвращение домой – это долгие часы размышлений о пережитом. Становится очевидно, что к М.Ю.Лермонтову судьба не была благосклонна. Гений погиб молодым... живуче ничтожество. И до конца столетия память Лермонтова будет отравлена злостным шипением. И только Кавказ, его друг и хранитель, останется верен ему до конца.